

Борис Яковлевич Мисонжников,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

Методологические основы герменевтики как средства отождествления текста

Статья посвящена современной проблеме герменевтики как методу текстуальной интерпретации и учению об истолковании письменного текста. Герменевтика создавалась как теологическая методология, ориентированная на объяснение Библии. В настоящее время она развилась в общую теорию человеческого понимания и оказалась более значительной, чем просто теологическая теория. Статья основывается на концепциях Фридриха Шлейермахера, Вильгельма Дильтея, Мартина Хайдеггера, Ганса Георга Гадамера и Поля Рикёра, содержит анализ структур герменевтического понимания. В наше время появилось большое количество текстов, включая тексты массмедиа, которые по различным причинам стремительно теряют свое дискурсное значение, и вследствие этого возникает опасность их непонимания. Именно герменевтика может дать ключ к декодированию этих текстов.

Ключевые слова: герменевтика, текст, текстуальная интерпретация, человеческое понимание, структура понимания, дискурс, массмедиа, декодирование.

Boris Yakovlevich Misonzhnikov,
Doctor of Philology, Professor,
St.-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

The Methodological Principles of Hermeneutics as a Means of Identifying a Text

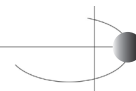
The article deals with the modern problem of hermeneutics as the art of textual interpretation and the study of the explanation of a written text. The hermeneutics began as a theological methodology governing the interpretation of Scripture. At present it developed into a general theory of human understanding and proved to be much bigger than theology theory. The article based on the conceptions of Friedrich Schleiermacher, Wilhelm Dilthey, Martin Heidegger, Hans-Georg Gadamer, and Paul Ricoeur, contains the analysis of the structure of hermeneutic understanding. Now there is a large number of texts, including media, which for different reasons are losing the discourse signs, and as a consequence, there is a danger of their misunderstanding. It is hermeneutics that may provide the key to decode these texts.

Keywords: hermeneutics, text, textual interpretation, human understanding, structure of comprehension, discourse, mass media, decoding.

Мы открыты миру, который воздействует на нас при помощи постоянно возрождающихся, обновляющихся, пульсирующих мультимедиальных знаковых комплексов. Они нами чувственно распознаются, поскольку имеют предметную, а именно феноменологическую, основу. Строго говоря, мы воспринимаем не знаки, представляющие собой единство денотата и законосителя, а исключительно законосители, материальные «футляры» знаков, идентифицируем их (объектом внимания становится означающее как единица плана выражения), а затем осуществляем попытку вычленения – практи-

чески воссоздания – содержательного ядра, которое также идентифицируем, декодируем и классифицируем (объектом внимания становится уже означаемое как единица плана содержания). Б. Больцано замечал, что «самый простой случай имеет место тогда, когда заранее известный читателю, но многозначный (*vieldeutig*) знак мы берём только в одном его значении и разъясняем именно это значение» [3, с. 457].

Денотат мы определяем всегда субъективно, основываясь на индивидуальном тезаурусе, но поскольку человек подвергается практически тотальной социализации, денотат

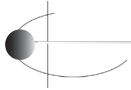
корректируется с позиции социальной идентичности, более или менее унифицируется. Эта нехитрая исходная концептуальная схема лежит в основе всех когнитивных практик человека, в основе его экзистенции. Всё многообразие знаковосителей мультимедиаальных текстов, представляющих собой довольно сложную и разветвлённую систему, представлено в оригинальной и очень подробной схеме профессора Х.Шрёдера. Это множество знаков: от визуальных до знаков опосредующих (*Vehikel-Zeichen*) и аудитивных [34, S. 203]. Но в то же время нельзя не учитывать именно содержательный аспект знака, его прорыв в сферу определённой и жёстко конкретной семантики, поскольку в противном случае происходит неизбежное омертвление знаковосителя, его утрата. По сути, именно это имеет в виду И. В. Ерофеева, когда подчёркивает: «Герменевтика знаков во многом способна объяснить интересы и ценности эпохи, страны, народа» [9, с. 121].

Как видим, особую важность приобретают истолкование, интерпретация воспринимаемых семиотических комплексов, идентификация индивидом уровня их социальной значимости. На тех, которые социальной ценности собой вообще не представляют, индивид, разумеется, останавливать своё внимание не будет. Идентификации подлежат как минимальные по объёму и простейшие по структуре семиотические образования, например, на уровне лишь одного знака, так и пространственные, сложноорганизованные. В этом случае процесс идентификации протекает сложнее и масштабнее. Даже логически завершённые и связные тексты, в силу их слишком долгого хранения утратившие многие дискурсивные особенности, требуют специального объяснения и становятся предметом экзегетики, уточняющей логические и формальные, в частности, грамматические, аспекты, а также воссоздающие исторический контекст. Более универсальным характером в когнитивном плане обладает герменевтика, которая предполагает, помимо рациональных, совершаемых на сугубо дискурсивной основе идентификационных действий, также чувственные и психоэстетические подходы, уточняет мифологическое и выявляет мистическое содержание текста, аспекты его духовной тождественности, эвристичности и нравоучительности.

Герменевтика – а это, по сути, методология семиотического отождествления, причём данная методологическая дисциплина имеет универсальный характер – распространяется

на все сферы, в которых оперируют текстом в широком смысле слова: любой семиотический комплекс может стать объектом герменевтического исследования, в том числе аудиотекст, а также иконический текст. Замечательный пример – исследование древней иконы из собрания Эрмитажа. Вследствие комплекса герменевтических действий, а именно «материальной характеристики памятника, изучения техники живописи, определения иконографии образа и его стилистических признаков», удалось подтвердить предварительную хронологическую атрибуцию иконы, установить, что она «создана в Константинопольской мастерской и может быть отнесена к кругу памятников, датируемых 1400 годом». С учетом общих канонов иконографии, а также известных исторических данных специалисты нашли «возможным связать эту икону с Константинопольским храмом св. Воскресения, который впоследствии получил название церкви Марии-диакониссы» [18, с. 241].

Этимологию термина «герменевтика» «связывают с именем Гермеса, которого древнегреческая мифология рисовала посланцем олимпийских богов, передававшим их распоряжения людям. В обязанность Гермеса входило истолкование и объяснение того текста, который он передавал. Ему приписывали изобретение речи и письма, а также покровительство всей сфере понимания» [4]. В связи с этим небезынтересно то, что П. А. Флоренский также связывал эти два понятия: «Герменевтика и Гермес» [24, с. 211]. Фигура Гермеса в истории гуманитарной культуры вообще сыграла уникальную роль. Поздняя античность порождает образ Гермеса Трисмегиста, («трижды величайшего»), в связи с близостью Г. (т. е. Гермеса. – Б. М.) потустороннему миру; с этим образом связывались оккультные науки и т. н. герметические (тайные, закрытые, доступные только посвящённым) сочинения» [21, с. 151]. Герметизм – течение мистическое, тем не менее оно привлекало внимание выдающихся учёных, ему «отдали дань многие мыслители 16–17 вв. (Коперник, Кеплер, Дж. Бруно, отчасти – Ф. Бэкон и др. – вплоть до Ньютона)» [28, с. 101]. Согласно герметическим канонам, «каждое произнесённое слово имеет огромную силу» [26, с. 410], но герметическое учение доступно только для «касты посвящённых», и ключ к его пониманию «теряется в ночи времён» [33, р.15]. А. Ф. Лосев ссылается на автора этого теософского учения: «Платон и Гермес Трисмегист пишут, что Бог от века знает все

вещи» [11, с. 260]. Таким образом, очевидно, что герменевтика и герметизм, являясь совершенно разными по значению терминами, имеют не только общую этимологию, но и некую глубинную субстанциональную общность, по крайней мере, в аспекте определённо свободной – если не сказать вольной – интерпретации событий и апологии слова, воплощённого в тексте.

Был период, когда герменевтика использовалась в основном для отождествления библейских и вообще литургических вербальных текстов. В России XVIII в. данное понятие связано с выяснением определённых сторон категории «правдоподобия» наряду с историческим, физическим, политическим и практическим подходами [20, с. 107]. С доминированием в гуманитарной культуре светских текстов герменевтика начала утрачивать своё значение, оставаясь в то же время методом интерпретации идеально-мистических произведений. Спустя некоторое время, однако, стало очевидным, что культурное наследие человечества значительно возросло в своём объёме – появились, прежде всего, научные, документальные, художественные и публицистические тексты. Сформировался грандиозный семиотический массив, который практически не был классифицирован и систематизирован, поскольку данные инструменты идентификации появились сравнительно недавно. Так, основы общей систематики были разработаны А. А. Любищевым вообще только к середине XX в. Будучи подвергнутыми воздействию объективных и субъективных разрушительных факторов, тексты – а они состоят в основном из символических знаков, семантически неустойчивых в силу своей конвенциональности, – не просто стали терять дискурсное начало, т. е. содержательную актуальность, но во многих случаях оказывались семантически недоступными реципиенту – «таковым уже ничего не говорящим текстом является сегодня дискурс об ускользании», с чем соотносима «пространственная метафора уходящей эпохи» [19, с. 145].

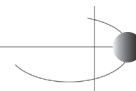
Вследствие подобного «ускользания» утрачивается даже всякий смысл пребывания подобных текстов в культурном континууме. Они превращаются в бессодержательную свалку знаков, и неизвестно, отыщется ли когда-нибудь ключ для их декодирования. Ещё раз подчеркнём: тексты могут фиксироваться только символическими знаками, однако «символам как таковым угрожает либо

слияние с воображаемым, либо превращение в аллегоризм» [16, с. 113]. Кроме того, «шрифт в отношении языка пребывает большей частью на устаревших позициях» [35, с. 10]. Казалось бы, это сугубо формальный момент, но он имеет существенное значение и в плане текстовой семантики.

Неблагополучие ситуации становилось всё более очевидным, назрела необходимость её осмысления и исправления, и философы в поисках решения задачи стали вновь проявлять интерес к герменевтике. Она оказалась востребованной уже в новом качестве и на совершенно новом методологическом уровне, предполагающем разработку соответствующего эффективного инструментария.

М. Хайдеггер констатирует катастрофизм общественного развития, «крушение и опустошение», закат, который «уже состоялся», и «истекание законченного... протекание в духе последней стадии метафизики упорядочивается техникой историографии. Это упорядочение есть последняя организация законченного в видимость “действительности”, дело которой действует неотвратимо, потому что оно настроилось обходиться без раскрытия *существа бытия*, причём с такой решительностью, что не нуждается ни в каких предчувствиях такого раскрытия». Упорядочение «техникой историографии» не может способствовать решению проблемы «раскрытия *существа бытия*», и философ разрабатывает теорию «герменевтического круга»: «круг имеет смысл, потому что направление и способ круговращения определяются самим языком через движение в нём. Характер и размах этого движения нам хотелось бы осмыслить из самого языка, вникнув в его переплетение». По мнению Хайдеггера, «носитель вести должен исходить уже из вести», и «вынужденное признание герменевтического круга ещё не означает, что представление о признанном круговращении даёт опыт герменевтического отношения в его истоке» [25, с. 178, 260, 300]. Кстати сказать, идея «герменевтического круга» оказалась универсальной, и мы уже сталкиваемся, например, с идеей «герменевтического круга образования» [14, с. 516].

Так же, как и «техника историографии», не может раскрыть существо бытия, прояснить суть какого-либо феноменологического предмета и эстетики. Даже когда речь идёт о произведениях искусства. В связи с этим Т. Л. В. Адорно, демонстрируя склонность к

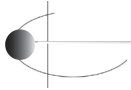
некоторой парадоксальности, заявляет: «Произведения искусства не могут быть постигнуты эстетикой как герменевтические объекты; могла бы быть постигнута на современном уровне их непостижимость» [29, S. 179]. Иначе говоря, произведения искусства не могут быть достаточно глубоко поняты и идентифицированы на основе использования лишь эстетического инструментария. Эту концепцию развивает и Г.-Г. Гадамер. Согласно его высказыванию, «речь шла о том, чтобы обнаружить принципиальную языковость (или соотнесённость с языком) в любом понимании, момент понимания во всяком познании мира и тем самым подтвердить универсальность герменевтики». По Гадамеру, «герменевтический аспект не может ограничиваться “герменевтическими науками” – искусством, историей, не может ограничиваться общением с “текстами”: универсальность герменевтической проблемы, которую уже имел в виду как цель Шлейермахер, относится к совокупности всего разумного, то есть относится ко всему тому, чем можно договариваться. Именно тогда, когда это представляется невозможным, когда люди “говорят на разных языках”, герменевтическая задача и встаёт со всей серьёзностью, задача поиска общего языка» [7, с. 13, 14]. Однако язык, взятый отдельно от «герменевтических наук», также не может быть ключевым методом решения герменевтической задачи. В связи с этим обратим внимание на следующее высказывание: «Итак, язык – это только одна сторона сообщения, что принципиально определяет и ограничивает герменевтику. Как средство сообщения, язык выражает лишь общее. Таким образом, он оказывается, по Шлейермахеру, медиумом содержания разума» [15]. Язык выступает как основной медиумический инструмент для достижения главной цели, которая заключается в том, чтобы «составить новый “эпистемический автопортрет”, то есть заново объяснить способности, процессы и деятельность, благодаря которым человек обретает понимание природы, а природа в свою очередь становится доступной разуму человека» [23, с. 45].

Сформированные в общих чертах цели и задачи герменевтики уже как современного и методологически строгого научного направления позже стали конкретизироваться, уточняться и адаптироваться к решению более частных проблем. Несмотря на то, что «специфическое герменевтическое понимание явля-

ется окказиональным и эпизодическим», т. е. герменевтика, будучи общей методологией, в каждом отдельном случае применяется исходя из соответствующей ситуации, она имеет канонические содержательно-морфологические особенности, в частности «воздействие гипотез на интерпретацию», что «играет большую роль». Все это даёт основание говорить о «логической структуре герменевтического понимания» [32, р. 34, 35, 37].

Герменевтика, таким образом, складывается как система – хотя ещё далеко не сложилась, – на которую распространяются соответствующие принципы, нормы и закономерности системологии. Дело в том, что язык как инструмент текстуализации во многом основывается на формально-структуралистских методиках реализации, и, в частности, «к языку применимы формальные методы исследования, одним из которых и является ритмофонетический метод» [13, с. 77]. Но это лишь одна из сторон формализации, хотя и существенно дополняющая общую методологию установления герменевтической идентичности. В принципе, сегодня уже определяют более или менее полный перечень факторов, от которых может зависеть интерпретация текста. А. С. Кармин замечает, что «в герменевтике (так называют теорию и практику истолкования текстов, а также философское учение, связанное с этой проблематикой) выделяется целый ряд обстоятельств, обуславливающих возникновение разных способов понимания и интерпретации текстов». Это, в частности, то, «как движется мысль интерпретатора – от частей к целому или от целого к частям»; «на что опирается интерпретатор – на „предпонимание“, т. е. какое-то начальное „минимальное предзнание“, благодаря которому происходит „прыжок внутрь герменевтического круга“, или на постепенное „вживание“ в текст»; «из чего исходит интерпретатор: из первого впечатления от текста, которое складывается сразу и некритично – так, что мысли интерпретатора как бы сливаются, отождествляются с содержанием текста (это называют „первичной интерпретацией“), или из „дистанцирования“ от текста»; «каков тот культурный контекст, в который погружается текст и в котором происходит его осмысление» [10, с. 125].

Как категория феноменологическая, герменевтика реализуется через семиотические комплексы: сама система как понятие всегда отвлечённая и ноуменологична, а её проявления осуществляются исключительно через

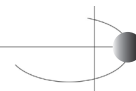
знаковый материал, который представлен феноменами. Фактически об этом ведёт речь Э. Бетти, определяющий некоторые наиболее важные герменевтические понятия – субъект, объект, истолкование, интерпретатор, оценочная интерпретация, знак, смыслодержащая форма, процесс творчества и прочее. Посетовав на то, что «богатое наследие герменевтической мысли напрочь забыто, связь с великой романтической традицией прервана (и масштабы этого разрыва едва ли поддаются обозрению)», он пытается в общих чертах воссоздать парадигму герменевтического действия. Э. Бетти выдвигает нормативные принципы идентификации объекта герменевтики, т. е. какой-либо текстовой единицы, называя это «высказыванием». Он, в частности, замечает: «Прежде всего нам следует строго отличать высказывание от звуков, в которых оно воплощается, и от знаков, в которых оно фиксируется. Нам вообще следует остерегаться смешения воспринимаемого носителя, который, идёт ли речь об устойчивой или мимолетной объективации, относится к физическому уровню, со смысловым содержанием, которое вверено этому носителю как средству трансляции: это средство выступает как своего рода проводник смысла, но последний принадлежит уже не физическому, но принципиально иному уровню». И, наконец, подчёркивает: «С другой стороны, мы должны столь же отчётливо понимать, что истолкование возможно лишь применительно к смыслодержащим формам; при этом “форма” определяется весьма широко, а именно как единая структурная взаимосвязь многих воспринимаемых элементов, причём эта взаимосвязь должна быть пригодна к тому, чтобы сохранять в себе отпечаток духа, который сотворил её или воплощён в ней» [1, с. 8, 13–14, 14–15]. Смыслодержащая форма, о которой говорит Бетти, это знак, в котором на достаточно высоком уровне выражено дискурсивное и эстетическое начало. В связи с этим можно привести высказывание Ф. Б. фон Бранденштайна о «чистой форме» значения, которая соотносится с «формой знака как знака». В то же время выделяются реальные значения, «например, действительное слово “голубой” имеет в качестве знака собственную подходящую форму» [30, s. 591].

В принципе, под «смыслодержащей формой» подразумевается законотворитель, который должен иметь логически самодовлеющий денотат. Точнее – сумма законотворителей, образующих логически завершённый

текст. Именно такие тексты могут стать предметом герменевтического исследования. Они представляют весь спектр гуманитарной культуры и, разумеется, журналистику, которая за последние столетия накопила огромный запас семиотического материала, глубоко интегрированного в социальные, политические, экономические, художественные и прочие сферы тех эпох, в которые он создавался. Журналистский текст, созданный в прошлом, с течением времени становится менее понятным, искажаются и вообще теряются его семантические и психоэстетические нюансы, и для того, чтобы он не был безвозвратно утрачен, требуется хотя бы общее отождествление его содержательных и формальных структур. Конечно, для различных видов журналистского текста – условно выделим информационный, аналитический и художественно-публицистический – требуется различный герменевтический инструментарий. Рассмотрим, к примеру, последний вид, позволяющий использовать более обширный ресурс как дискурсивного, так и образного мышления, применять эстетические подходы.

Само собой разумеется, в данном случае мы не имеем возможности разработать и представить хотя бы относительно завершённую исходную концептуальную схему герменевтической идентификации текста. Проблема состоит в том, что на сегодняшний день для этого просто нет достаточного когнитивного опыта. Да и объём статьи не позволяет этого сделать. На данном этапе возможно лишь пунктирно наметить пути комплексного отождествления сложного семиотического материала, лишь приблизиться к решению герменевтической задачи, отражающей в ходе жизни «не просто поток и течение, а построение оформленных единиц значения» [17, с. 18].

Другая проблема – замкнутость любой семиотической системы в самой себе. Эта система существует совершенно отвлечённо от нас, автономно, будучи исключительной и уникальной в своей самодостаточности. Она пассивно ждёт обращения к себе, а при отсутствии интереса со стороны исследователя никак о себе не заявляет и теряется в прошедших эпохах. Чтобы её исследовать, необходимо её вскрыть, запустить механизм её функционирования, только так можно понять семиотическую систему и выполнить задачу её отождествления. Нельзя забывать, что «герменевтический акт, если он происходит,

включает сразу два акта, так что один совершается только в связи с другим: акт понимания и акт исполнения» [27, с. 197]. Также вербальная текстовая система должна быть предварительно установлена и открыта для сканирования, каждая система – отдельно, поскольку невозможно в герменевтическом отношении идентифицировать вербальный текст как всеобщую единую систему. Только по отношению к определённому, обособленному тексту возможно применение атрибутивного действия, в частности стилометрии как инструмента стилистического и статистического анализа. В связи с этим небезынтересен пример герменевтического опыта итальянского философа-гуманиста Л. Валлы, которого можно считать одним из основоположников стилометрии. Он, сторонник филологического анализа, уделяет значению одного только слова, а именно слову «благо», немало места: в выражении Авраама из «Святого Благовествования от Луки», по мнению Валлы, содержится ошибка. Философ восклицает: «Кто поверил бы, что муж столь тщательный и пронизательный, не говорю изящный, впал в ошибку из-за незнания одного слова, и притом очень простого?» [5, с. 226].

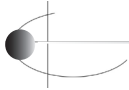
Примечательно то, что в настоящее время потребность в герменевтическом отождествлении текста ощущается не только в дисциплинах, основанных на постоянном и специфическом текстопорождении, как, например, журналистика, о чём речь шла выше. Даже в тех областях знания, в которых аспекты текстовой прагматики имеют вспомогательный характер, очень важно добиваться точности и адекватности текстовой интерпретации. Это касается практически всех направлений гуманитарного знания. Так, «в середине 80-х гг. в этнологии стал применяться также *герменевтический подход*, который стремится обнаружить значения за действием (почему в определённом случае предпринимались именно эти, а не другие действия). В настоящее время этот подход используется в *постпроцессуальной археологии*, гендерных исследованиях, постструктурализме, *дискурсном анализе* и феноменологии» [8, с. 59].

Для прояснения и фиксации важных конструктивных и семантических положений текста, установления его аксиологических закономерностей необходимо, прежде всего, обращение к лингвистическому аспекту текстоформирования, выявление речеповеденческих факторов. То есть важно выстроить

систему, которую «принято называть *языковой картиной мира*, а её элементы – *концептами*» [22, с. 62]. Для решения герменевтических задач сегодня кажется уже невозможным обойтись без применения понятий концепта и концептосферы, поскольку в них заложен значительный феноменологический и познавательный потенциал. Именно «к феноменологии и герменевтике восходят различные когнитивные теории языка. Ведь если мысль и слово представлены в тексте в их воплощающем единстве, следовательно, необходимо найти категорию, в которой мысль и слово объединены» [6, с. 25]. Именно такой категорией и может стать концепт как достаточно строгая научная категория.

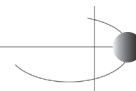
Кстати сказать, владение данным понятием значительно облегчило бы задачу Л. Валлы, по крайней мере, ему не пришлось бы так пространно интерпретировать значение лишь одного слова, а можно было бы показать его в системе концептов, или в проявлении конкретной концептосферы. Апеллирование к ней поможет решить, однако, только одну прагматическую задачу герменевтики, направленную на идентифицирование смысла текста. В то же время следует учитывать, что «герменевтика как теория и практика понимания духовных актов» требует иного инструментария, «герменевтика указывает на фундаментальную роль предструктуры понимания, функционирующую в неконтролируемой экспериментом и теоретическим анализом обыденной речи... Таким образом, герменевтика вплотную подводит психоаналитика к проблеме коммуникации языков психологии, социологии, культурологи, философии, а также обыденного общения» [12, с. 59, 72]. Обратим внимание и на то, что «область общения в науке – это нечто иное, нежели общение в праздничном зале или на газетной полосе» [31, с. 49], т. е. сфера текстовой реализации имеет также определённое герменевтическое значение.

Мы наблюдаем сейчас процесс формирования общегуманитарной дисциплины – герменевтики, по своему универсализму сравнимой, может быть, с таксономией и, безусловно, соотносимой с ней в некоторых аспектах. Наблюдаем процесс выработки методологического инструментария. В нём оживает «Гермес – бог интерпретаторов» [2, с. 136], который связывает разрозненные элементы мироустройства воедино и помогает прочитывать тексты окружающего мира.

Список литературы

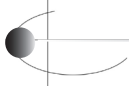
1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисова. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 144 с.
2. Бибихин В. В. Язык философии. Изд. 3-е, стереотип. СПб. : Наука, 2007. 389 с.
3. Больцано Б. Учение о науке / пер. с нем. Б. И. Федорова. СПб. : Наука, 2003. 518 с.
4. Боров Ю. Б. Общение с искусством как сокровенный личностный процесс. URL : http://independent-academy.net/science/library/borev_estetika/germenevtika.html (дата обращения : 1.03.2012).
5. Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / пер. с лат. В. А. Андрушко, Н. В. Ревякиной, И. Х. Черняка. М. : Наука, 1989. 476 с.
6. Воскобойник Г. Д. Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике. М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2004. 184 с.
7. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 368 с.
8. Епифанцев С. Н. , Кумыков А. М. , Слепцов Н. С. Этнология : учеб. пособие. Ростов н/Д : Антей, 2008. 360 с.
9. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита, 2009. 297 с.
10. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. СПб. : Лань, 1997. С. 125.
11. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М. : Мысль. 1998. 750 с.
12. Марков Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб. : Лань, 1997. 384 с.
13. Наговицын А. Е. Особенности ритмо-фонетической структуры текста : Смысловое наполнение фонетических знаков : учеб. пособие. М. : Моск. психолого-соц. ин-т : Флинта, 2005. 408 с.
14. Николаева Е. М. Нелинейная (синергетическая) модель образовательного процесса // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / отв. ред. В. В. Василькова. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 688 с.
15. Потепя М. Этика и герменевтика у Шлейермахера / пер. с польск. Т. Б. Марковой. URL : <http://anthropology.ru/ru/texts/potepa/potepa.html> (дата обращения : 1.07.2012).
16. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М. : Академический проект, 2008. 695 с.
17. Роди Ф. Жизненные корни гуманитарных наук : По поводу отношения «психологии» и «герменевтики» в позднем творчестве Дильтея / пер. с нем. Н. С. Плотникова // Герменевтика. Психология. История: Вильгельм Дильтей и современная философия / под ред. Н. С. Плотникова. М. : Три квадрата, 2002. 208 с.
18. Савина С. Г. Византийская икона «Святая Анастасия» из собрания Государственного Эрмитажа // Патрология. Философия. Герменевтика: Тр. Высш. религиозно-философск. школы / ред.-сост. Г. И. Беневич. СПб. : Высш. религиозно-философск. школа, 1992. 244 с.
19. Савчук В. В. Конверсия искусства. СПб. : Петрополис, 2001. 288 с.
20. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5 / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л. : Наука. 1989. 256 с.
21. Тахо-Годи А. А. Гермес // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Большая Рос. энциклопедия, 1992. 736 с.
22. Трофимова О. В., Кузнецова Н. В. Публицистический текст: Лингвистический анализ : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2010. 304 с.
23. Тулмин Ст. Человеческое понимание / пер. с англ. З. В. Кагановой. М. : Прогресс, 1984. 328 с.
24. Флоренский П. А. Священник. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1999. Т. 3(1). 624 с.
25. Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Республика, 1993. 447 с.

26. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. 794 с.
27. Шуфрин А. М. Экстатические системы и герменевтика // Язык и текст: Онтология и рефлексия : материалы к I Междунар. философско-культуролог. чтениям (Санкт-Петербург, 17–21 августа 1992 года) / гл. ред. Л. Морева. СПб. : Эйдос, 1992. 348 с.
28. Энциклопедия мистицизма / отв. ред. Н. Дядьков. СПб. : Литера. ВИАИ, 1997. 480 с.
29. Adorno T. W. Ästhetische Theorie. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1973. 569 S.
30. Brandenstein F. B. von. Grundlegung der Philosophie. Bd1. Halle (an der Saale) : Max Niemeyer Verlag, 1926. 600 S.
31. Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk : Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 11. Aufl. Bern; München : Francke Verlag, 1965. 454 S.
32. Kuhlmann W. The logical structure of hermeneutic understanding // Text, Interpretation, Argumentation / Ed. by M. Kusch, H. Schröder. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 1989. 274 p.
33. Laurent E., Nagour P. L'Occultisme et l'amour. Paris : Vigot Frères, 1902, 246 p.
34. Schröder H. Semiotische Aspekte multimedialer Texte // Fachtextpragmatik / Hrsg. von H. Schröder. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1993. 430 S.
35. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart (Ihre Laute, Wörter, Wortformen und Sätze) : Ein Handbuch für Lehrer und Studierende. Leipzig : R. Voigtländers Verlag, 1923. 456 S.

Spisok literatury

1. Betti Je. Germenevtika kak obwaja metodologija nauk o duhe / per. s nem. E. V. Borisova. M. : Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2011. 144 s.
2. Bibihin V. V. Jazyk filosofii. Izd. 3-e, stereotip. SPb. : Nauka, 2007. 389 s.
3. Bol'cano B. Uchenie o nauke / per. s nem. B. I. Fedorova. SPb. : Nauka, 2003. 518 s.
4. Borev Ju. B. Obwenie s iskusstvom kak sokrovennyj lichnostnyj process. URL : http://independent-academy.net/science/library/borev_estetika/germenevtika.html (data obrashchenija : 1.03.2012).
5. Valla L. Ob istinnom i lozhnom blage. O svobode voli / per. s lat. V. A. Andrushko, N. V. Revjakinoj, I. H. Chernjaka. M. : Nauka, 1989. 476 s.
6. Voskoboynik G. D. Tozhdestvo i kognitivnyj dissonans v perevodcheskoj teorii i praktike. M. : Mosk. gos. lingv. un-t, 2004. 184 s.
7. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M. : Iskusstvo, 1991. 368 s.
8. Epifancev S. N. , Kumykov A. M. , Slepcev N. S. Jetnologija : ucheb. posobie. Rostov n/D : An-tej, 2008. 360 s.
9. Erofeeva I. V. Aksiologija mediateksta v rossijskoj kul'ture (cennostnaja refleksija zhurnalistiki nachala XXI veka). Chita, 2009. 297 s.
10. Karmin A. S. Osnovy kul'turologii: morfologija kul'tury. SPb. : Lan', 1997. S. 125.
11. Losev A. F. Jestetika Vozrozhdenija. Istoricheskij smysl jestetiki Vozrozhdenija. M. : Mysl'. 1998. 750 s.
12. Markov B. V. Filosofskaja antropologija: ocherki istorii i teorii. SPb. : Lan', 1997. 384 s.
13. Nagovicyn A. E. Osobennosti ritmo-foneticheskoy struktury teksta : Smyslovoe napolne-nie foneticheskikh znakov : ucheb. posobie. M. : Mosk. psihologo-soc. in-t : Flinta, 2005. 408 s.
14. Nikolaeva E. M. Nelinejnaja (sinergeticheskaja) model' obrazovatel'nogo processa // Si-nergeticheskaja paradigma. Social'naja sinergetika / отв. red. V. V. Vasil'kova. M. : Progress-Tradicija, 2009. 688 s.
15. Potepa M. Jetika i germenevtika u Shlejermahera / per. s pol'sk. T. B. Markovoj. URL : <http://anthropology.ru/ru/texts/potepa/potepa.html> (data obrashchenija : 1.07.2012).

16. Rikjor P. Konflikt interpretacij. Očerki o germenevtike / per. s fr. I. S. Vdovinoj. M. : Akademicheskij proekt, 2008. 695 s.
17. Rodi F. Zhiznennye korni gumanitarnyh nauk : Po povodu otnoshenija «psihologii» i «ger-menevtiki» v pozdnem tvorčestve Dil'teja / per. s nem. N. S. Plotnikova // Germenevtika. Psiholo-gija. Istorija: Vil'gel'm Dil'tej i sovremennaja filosofija / pod red. N. S. Plotnikova. M. : Tri kvadrata, 2002. 208 s.
18. Savina S. G. Vizantijskaja ikona «Svjataja Anastasija» iz sobranija Gosudarstvennogo Jer-mitazha // Patrologija. Filosofija. Germenevtika: Tr. Vyssh. religiozno-filosofsk. shkoly / red.-sost. G. I. Benevich. SPb. : Vyssh. religiozno-filosofsk. shkola, 1992. 244 s.
19. Savchuk V. V. Konversija iskusstva. SPb. : Petropolis, 2001. 288 s.
20. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. Vyp. 5 / gl. red. Ju. S. Sorokin. L. : Nauka. 1989. 256 s.
21. Taho-Godi A. A. Germes // Mifologicheskij slovar' / gl. red. E. M. Meletinskij. M. : Bol'shaja Ros. jenciklopedija, 1992. 736 s.
22. Trofimova O. V. , Kuznecova N. V. Publicisticheskij tekst: Lingvisticheskij analiz : uceb. posobie. M. : Flinta : Nauka, 2010. 304 s.
23. Tulmin St. Chelovečeskoe ponimanie / per. s angl. Z. V. Kaganovoj. M. : Progress, 1984. 328 s.
24. Florenskij P. A. Svjavennik. Soch. : v 4 t. M. : Mysl', 1999. T. 3(1). 624 s.
25. Hajdegger M. Vremja i bytie : st. i vystuplenija / per. s nem. V. V. Bibihina. M. : Respubli-ka, 1993. 447 s.
26. Holl M. P. Jenciklopedičeskoe izloženie masonskoj, germetičeskoj, kabbalističeskoj i rozenkrejcerovskoj simvoličeskoj filosofii / per. s angl. V. V. Celiweva. Novosibirsk : Nau-ka. Sibirskaja izdatel'skaja firma, 1993. 794 s.
27. Shufrin A. M. Jekstatičeskie sistemy i germenevtika // Jazyk i tekst: Ontologija i reflek-sija : materialy k I Mezhdunar. filofsko-kul'turolog. čtenijam (Sankt-Peterburg, 17–21 avgusta 1992 goda) / gl. red. L. Moreva. SPb. : Jejdos, 1992. 348 s.
28. Jenciklopedija mističizma / otv. red. N. Djad'kov. SPb. : Litera. VIAN, 1997. 480 s.
29. Adorno T. W. Ästhetische Theorie. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1973. 569 S.
30. Brandenstein F. B. von. Grundlegung der Philosophie. Bd1. Halle (an der Saale) : Max Niemeyer Verlag, 1926. 600 S.
31. Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk : Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 11. Aufl. Bern; München : Francke Verlag, 1965. 454 S.
32. Kuhlmann W. The logical structure of hermeneutic understanding // Text, Interpretation, Argu-mentation / Ed. by M. Kusch, H. Schröder. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 1989. 274 r.
33. Laurent E., Nagour P. L'Occultisme et l'amour. Paris : Vigot Frères, 1902, 246 p.
34. Schröder H. Semiotische Aspekte multimedialer Texte // Fachtextpragmatik / Hrsg. von H. Schröder. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1993. 430 S.
35. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart (Ihre Laute, Wörter, Wortformen und Sätze) : Ein Handbuch für Lehrer und Studierende. Leipzig : R. Voigtländers Verlag, 1923. 456 S.

Статья поступила в редакцию 30 марта 2012 г.